

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ 1989–2014 ГГ. (ОБЗОР ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ)

Д. Макаров, А. Старостин

Если обобщить и суммировать миграционные процессы за последние четверть века в России и вокруг неё, то бросается в глаза следующая их особенность. Во-первых, большинство этих процессов так или иначе связано с пространством бывшего СССР, и собственно, в условиях утраты прочих экономических связей (изучение миграции и демография традиционно рассматривается в числе экономических наук, хотя такой подход во многом устарел) благодаря миграции во многом поддерживается единство постсоветского пространства. На протяжении первых двух лет рассматриваемого периода деление на миграции внешние и внутренние было иным, нежели после распада СССР. Собственно, из внешних по отношению к СССР миграционных потоков можно выделить следующие: массовый приток в СССР в 1989 г., а после его распада в Россию в 1992 г. афганских беженцев, достаточно массовый исход немцев в Германию, а евреев в Израиль и Германию, фиксируемый во всех республиках СССР, а после его распада и постсоветского пространства; следствием последних двух миграционных потоков было почти полное исчезновение российских немцев и значительное — евреев в бывшем СССР. Из значимых потоков внешней по отношению к СССР миграции была также начавшаяся эмиграция русского населения в США, страны Европы, ЮАР и другие страны. Внешнюю составляющую имело состоявшееся в 1989 г. после известных ферганских событий переселение турков-месхетинцев из Узбекистана. В то время, как большая часть этого народа, происходящего с территории Грузии, и подвергнувшегося депортации в 1944 г., переехала в центральные и южные регионы РСФСР, а часть в Азербайджан, немало в результате оказалось в Турции. Впро-

чем, переселение аhiska turklere в Турецкую Республику (по неофициальным турецким данным, до 30 тысяч) в гораздо большей степени связано с постсоветским периодом.

Однако с последними годами существования Советского Союза связаны другие миграционные процессы — внутренние в масштабах СССР, ставшие внешними по отношению к образовавшимся на его обломках государствам. Именно в этот период начинается массовая эмиграция азербайджанского и армянского населения, причем направленная из обоих этих государств преимущественно в Россию. Связан этот процесс был с карабахским конфликтом и начавшейся войной между двумя государствами. В Россию выезжали не только армяне из Азербайджана (что более известно), и азербайджанцы из Армении, Карабаха и Лачинского коридора (территория Азербайджана, оккупированная войсками армении), но также русские, татары из обоих государств, курды из Армении, отчасти лезгины и цахуры из Азербайджана. Кроме военных беженцев, войны порождают колоссальное количество беженцев экономических, что четко показал и этот конфликт — в достаточно скором времени значительную часть мигрантов стали составлять уже армяне из Армении и азербайджанцы и Азербайджана. Собственно, весьма крупные и мощные диаспоры этих народов сформировались именно в период конца 1989-начала 1990 гг.

К внутренним в масштабах СССР, но внешним для новых стран следует отнести также возвращение большей части крымских татар в Крым, произошедшее в конце 1980-начала 1990-х гг. несмотря на то, что этот процесс продолжается и поныне, однако темпы его сейчас замедлились. Этот народ не получил возможности вернуться на свои земли в 1956–

1957 г., как многие другие репрессированные народы, но решил вернуть свое право самостоятельно. В результате из примерно 500 тысяч крымских татар около 300 тысяч проживает на исторической родине. Однако закон о реабилитации ни в СССР, ни в Украине не принимался, и реабилитация этого народа состоялась лишь в апреле 2014 г. (Указ Президента России В. В. Путина). Крымским татарам пришлось восстанавливать, а вернее сказать, заново создавать всю свою инфраструктуру, и надо сказать, что возврат, реконструкция и оживление исторических мечетей, архитектурных памятников в Бахчисарае и Евпатории были результатом частной инициативы граждан, преимущественно крымских татар. То, что сегодня в Крыму можно окунуться в атмосферу средиземноморской цивилизации, крымского средневековья, причем не только крымского ханства, но и более древних культур, это является плодом усилий народа, вернувшегося из полувековой ссылки в Узбекистан и воссоздающего исторический Крым с его тысячелетними традициями. Причем усилий титанических.

Однако возврат репрессированных, но не полностью восстановленных в своих правах народов не всегда проходил также гладко. Как известно, кроме крымских татар и турок из Грузии (месхетинцев и османов из Абхазии и Абхазии, а также в значительной степени перешедших на турецкую идентичность хемшилов), в своих правах не были восстановлены немцы, ингуши Пригородного района Осетии, чеченцы-аккинцы и карачаевцы района Кавказских минеральных вод. При разрушении советской системы все они попытались решить свои проблемы, но сделали это-разному. Немцы решили свою проблемы главным образом через репатриацию в Германию. Чеченцы-аккинцы смогли решить свои проблемы с руководством Дагестана и Новолакского (бывшего Ауховского) района, причем следует отметить, что даже во время рейда Басаева и Хаттаба в Дагестан со стороны аккинцев, уже компактно проживавших в Дагестане, боевикам не было оказано поддержки. Однако в Северной Осетии в начале 1990-х годов разгорелся кровавый осетино-ингушский конфликт с активным вовлече-

нием в него как военных, так и добровольческих военизированных формирований. По причине этого конфликта Ингушетия до 2014 г. оставалась регионом с наибольшим количеством беженцев, как в абсолютном, так и в относительном выражении.

Начиная с конца 1980-х гг. образуется наиболее массовый миграционный поток на территории бывшего СССР — из бывших среднеазиатских республик в северном направлении (Россия и Казахстан). Причем этническое наполнение этого потока значительно изменилось с течением времени. По своей сути этот поток является обратным по отношению к миграционному потоку, направленному с севера на юг (из центральных районов России, Урало-Поволжья, Украины в Русский Туркестан, а позже в южные республики СССР). «Ташкент-город хлебный» привлекал к себе множество переселенцев. И это не только эвакуированные из западных регионов страны в годы войны предприятия, институты и просто население. На юга люди ехали по комсомольским путевкам, на строительство разных объектов, молодые специалисты по распределению, на службу в армию. Освоение целины проходило не только в Казахстане, но частично и в более южных регионах. В результате, например, в Узбекистане население многих городов — Чирчик, Ангрен, Алмалык и др. преимущественно состояло из русских, татар, крымских татар, немцев, чеченцев, но только не узбеков. В результате разрушения мощного надэтнического государства (СССР) и построения на его обломках множества государств, построенных на иных принципах, в том числе декларируемой этнократии (а на начальном этапе зачастую именно так и декларировалось) начинается исход некоренного населения. Первым этапом миграционного потока из стран Центральной Азии был достаточно массовый исход русских, татар, башкир, народов Северного Кавказа в Россию, немцев — в Германию, крымских татар — в Крым (в тот период — Украина). Турки-месхетинцы пытались переселиться в Грузию, но ввиду нежелания грузинской стороны их принимать компактно поселились в России. Часть этого потока направилась и в дальнейшем зарубежье —

в США, Канаду, Австралию, страны Европы. Например, получить грин-карту США для гражданина Узбекистана в 1990–2000 было проще, чем для россиянина, а так как предки многих некоренных узбекистанцев-кыргызстанцев-таджикистанцев переехали в эти страны достаточно давно и родственные связи на исторической родине порастеряли, то переезжали туда, где были более лучшие условия (или казались таковыми). Если крымские татары в Крыму держались сплоченной общиной, то они и условия для проживания создавали себе сами. Но в то же время, например, в Центральных регионах России часть переселенцев (причем русских) столкнулись с неприятием со стороны местного населения; нередко в подобной ситуации происходило повторное переселение — за пределы страны или в крупные города или в регионы со смешанным населением. Зачастую вместе с некоренным населением уезжали и представители титульных наций, но на данном этапе это было связано преимущественно с родственными и брачными связями или с политическими мотивами.

Однако на этом миграционный поток из Центральной Азии не прекратился. Помимо выезда нетитульных наций, приобрел массовый характер, начался исход и представителей коренных этносов. Первым в этом отношении стал Таджикистан. Эта республика в составе СССР отличалась слабо развитой промышленностью, высокой степенью архаичности отношений. Во многом это связано с горным характером рельефа, хотя был и другой момент — в свое время еще Бободжон Гафуров отмечал важность Таджикистана для продвижения социалистических идей на Востоке. Так или иначе, но в Таджикистане в начале 1990-х гг. разгорелась гражданская война. Обычно ее связывают с деятельностью Исламской партии возрождения, но известно, что ИПВ выступала за сохранение единого СССР, и даже ее решение о самороспуске было связано именно с распадом советской империи. ИПВ состояла в коалиции с целым рядом иных партий (Демократическая, Растохез, Лали Бадахшон и др.), выдвинуты из которых составляли большинство в сформированном правительстве.

Война эта в скором времени приобрела ярко выраженный характер межрегионального внутритаджикского конфликта, причем с одной стороны выступали преимущественно выходцы из Гарма и Бадахшана, а с другой — из Куляба, Ходжента и Гиссара. И это несмотря на то, что лозунги носили политический характер. На начальном этапе войны сторона, представленная преимущественно гармцами и бадахшанцами, потерпела поражение, что вызвало массовую эмиграцию из страны выходцев именно из этих регионов. Нередко стычки между представителями разных партий и таджикских субэтносов продолжались и в эмиграции, и я лично наблюдал ситуацию, когда кулябец, оказавшись в политической эмиграции, боялся ходить в районе Москвы, где проживало большое количество бадахшанцев, несмотря на то, что в Таджикистане они находились на одной стороне. Понятно, что в ситуации внутритаджикского конфликта, этнических чисток, и просто сопровождающего любую войну разгула бандитизма большая часть нетаджикского населения предпочло республику покинуть. Исключение составили многочисленные группы узбеков, компактно проживающих в различных районах Таджикистана, которые в ходе войны составили собственные отряды (в том числе по этнолокальному принципу) и активно в войне участвовавшие. Часть из этих узбекских отрядов пользовалась поддержкой Узбекистана и, вступив в конфликт со сформированным правительством народного единства, отступила на его территорию (М. Худойбердыев и И. Байматов). В 1997 г. в Таджикистане было достигнуто перемирие враждующих сторон и сформировано коалиционное правительство, однако процесс разрушения инфраструктуры проел свою точку невозврата, и эмиграцию политическую сменила миграция экономическая. При этом сменился вектор миграции, если политическая эмиграция в значительной степени имела афганское направление, то основной вектор экономической миграции был направлен в Россию и Казахстан, как наиболее преуспевающие страны постсоветского пространства.

Очень долго почти основным поставщиком собственно среднеазиатской миграции (не русских с татарами, а именно коренного населения этих стран) был Таджикистан, отсюда даже возникшие стереотипы массового сознания — например, общий собирательный этноним для трудовых мигрантов из данного региона был «таджик». Образ таджика-трудового мигранта (в конце 1990-х закрепляется также взятое из лексикона гитлеровской Германии «гастарбайтер») постепенно входит в современный фольклор и песенное творчество, имеются определенные кинообразы. Причем если в фольклоре (анекдотах) этот образ обезличенный, то кинообразы представлены более разнообразными. Например, в знаменитой «Нашей Раше» известные строители-гастарбайтеры Равшан и Джамшуд, представленные именно таджиками — достаточно дураковатые и недалекие неумехи. Создателям «Нашей Раши» посольство Таджикистана в России даже пыталось заявить протест. Есть и другие кинообразы, представленные обманутыми строителями и т. д. Несмотря на то, что поступления от таджиков, работающих в России, составляют немалую долю в ВВП Таджикистана, правительство этой стран оказывает мало поддержки своим соотечественникам. Таджикские организации в России — крайне раздробленные, находятся в перманентном конфликте между собой. Самая сильная из них и обладающая наибольшим мобилизационным ресурсом — «Таджикские трудовые мигранты» находится в оппозиции по отношению к правительству Таджикистана. Другое крыло таджикских организаций в России — бадахшанские (памирские) организации. Несмотря на то, что бадахшанцев относительно немного, и они делятся из нескольких разноязычных этнических групп, но за счет своей сплоченности и высокого уровня образования они достигли того, что их объединения представляют самые мощные таджикские организации. Бадахшанские организации в России имеются в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и Кемеровской области. Собственно таджикские организации и землячества имеются почти во всех регионах России.

Несмотря на слабость таджикских мигрантских организаций, таджики занимают достаточно сильные позиции в мусульманских общинах ряда регионов России. Согласно результатам социологического опроса таджикских трудовых мигрантов, проведенного центром «Шарк» в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге¹, 100% опрошенных трудовых мигрантов из Таджикистана считают себя верующими мусульманами, однако почти половина призналась, что в силу занятости не имеет возможности совершать намаз 5 раз в день. Это, в основном, сезонные рабочие, проводящие по 10–12 часов дня на работе. Из них 31% сообщил, что посещает мечеть каждую пятницу. Среди совершающих обязательный пятикратный обряд намаза — 48% опрошенных. Они находят время для совершения молитвы и на рабочем месте.

Это явление, вероятно, связано с тем, что на фоне общего разрушения системы традиционного исламского образования в Урало-Поволжье и Сибири, в Средней Азии система подпольных школ-хужр не только выжила, но и продолжала достаточно успешное воспроизводство. В начале-середине 1990-х гг., когда многие из преподавателей и выпускников этих хужр оказались вынуждены эмигрировать из Таджикистана, они нашли себе применение в России. Особенно сильно их влияние оказалось в ряде регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока, где часть мусульманских общин руководится выходцами из Таджикистана. Так, Ямало-Ненецким казьятом, Духовным управлением мусульман Томской области в системе ДУМАЧР, ЦРО «Объединение мусульманских организаций Кемеровской области» руководят уроженцы Таджикистана (т. е. являются муфтиями или председателями). Выходцы из Таджикистана также руководят деятельностью местных мусульманских религиозных организаций Новокузнецка (Кемеровская область), Мирного (Якутия), Комсомольска-на-Амуре (Хабаровский край), Рубцовска (Алтайс-

¹ Опрос проводился с мая по август 2014 года среди 725 граждан Таджикистана. Среди опрошенных — 61% сезонных рабочих, остальные представители диаспор, а также дети мигрантов, приехавшие в Россию в возрасте 10–12 лет

кий край) и во многих других городах России. Таджикские имамы официально служат в Твери, Нижнем Новгороде, в 4 из шести мечетей и молельных комнат Екатеринбургa, во многих городах Свердловской области (Верхняя Салда, Верхняя Пышма, Камышлов, Богданович). А неофициальные таджикские имамы есть практически в каждом городе, где проживают таджики. Представители старшего поколения практически все обучались в подпольных школах-хужрах, представители более молодого поколения получали исламское образование в Саудовской Аравии, медресе Таджикистана, Пакистана или России.

Сыграла свою роль также и общность ханафитского мазхаба, объединяющего татар, башкир и таджиков. К сожалению, кроме преподавателей и выпускников хужр, среди учителей новообразованных общин были и люди, недоучившиеся, не получившие системного образования. Часть из них пошла по пути «Хизб-ут-тахрир аль-Ислами», «Исламского движения Узбекистана» и подобных течений. Большая часть религиозно активных таджиков в России является ханафитами, бадахшанцы — преимущественно исмаилиты. Имеется небольшое количество салафитов, из-за влияния Ирана часть становится шиитами — имамами. В настоящее время из-за катастрофической нехватки мечетей в крупных городах часть мигрантов, в т. ч. из Таджикистана образует неформальную инфраструктуру. Наиболее ярким примером являются «рыночные мусалля», которые действуют в Подмосковье, Санкт-Петербурге, Уфе, Перми, Екатеринбурге, Сургуте, Челябинске, Новосибирске и в других городах России. Например, на рядом с Центральным рынком г. Перми построен целый исламский комплекс: на первом этаже расположено халяль-кафе, на втором этаже молитвенное помещение площадью более 300 кв. м., тахаратхана, парикмахерская и другие помещения. На «Хилокском» плодоовощном рынке г. Новосибирска действует мечеть, построенная в среднеазиатском стиле. Помимо мечети в храмовый комплекс входят тахаратхана (место для совершения ритуального омовения), чайхана,

мехмонхана (гостиница), ошхана (кухня), касабхана (место, где производится забой скота и впоследствии идет продажа ритуально чистого мяса хяляль). Одним словом, все, что нужно для потребностей мусульманской общины. Часть подобных молельных комнат действуют в составе местных Духовных управлений, другие — неподконтрольны местным мусульманским общинам.

Следующей крупной страной исхода из Центральной Азии стал Кыргызстан. Если до 2005 г. из этой страны преимущественно выезжало некоренное население — потомки выходцев из России — русские, татары, немцы, а также армяне, турки и хемшилы, то с 2005–2006 г. начинается массовый выезд кыргызов, а также дунган и узбеков. Дунганы первоначально выезжали в Саратовскую, Пензенскую, Липецкую области, однако сейчас почти все сосредоточились в одном Ровненском районе Саратовской области, где освоили целинные пойменные земли и ведут традиционное для себя хозяйство — огородничество. Эта группа мигрантов однозначно ориентирована на постоянное проживание в России. что касается узбеков, то именно ошские узбеки с юга Кыргызстана проявляют наибольшую организационную активность среди всех остальных узбеков. Особенно ярко это начало проявляться после событий в Оше 2010 г., когда они поняли, что ни Кыргызстану, ни Узбекистану они не нужны. В этот период отмечается массовый выезд узбеков из Кыргызстана в Россию с целью дальнейшей жизни в России. Вместе с этим ошские узбеки образуют целый ряд собственных общественных организаций, нередко существующих параллельно с другими узбекскими и тем более кыргызскими организациями.

Одна из них, Общественная организация по правовой поддержке выходцев из Средней Азии «Урал-Азия» появилась в результате сплочения узбеков — уроженцев Ошской и Джалалабадской областей в ходе помощи жертвам конфликта на юге Кыргызстана. Узбеки приняли участие в сборе гуманитарной помощи и ее доставке на юг (Рейс мира — 2010), а также помогали обустройству беженцев, поток которых хлынул

на Урал. До межэтнических столкновений на юге Кыргызстана в июне 2010 г. численность узбекской общины оценивалась в 3000 чел. Никакой активной деятельности узбеки не вели, взаимодействие внутри узбекского сообщества осуществлялось только на основе родственных и земляческих связей, признанных светских и духовных лидеров не имелось, организационно сообщество никак не было оформлено. В результате конфликта численность узбекской диаспоры в Свердловской области увеличилась более чем в два раза. По сведениям УФМС по Свердловской области, Генерального Консульства РК в Екатеринбурге, общественных и правозащитных организаций, на январь 2011 г. после июньских событий в Оше и Джалал-Абаде на Средний Урал прибыло более 6 тысяч выходцев с юга Киргизии, в данном потоке узбеки составляли абсолютное большинство. Приехавшие расселились по всей территории Свердловской области. Например, в Общественную организацию «Уральский дом» (занимается трудоустройством мигрантов) по состоянию на начало ноября 2010 г. обратилось 46 человек — подавляющая масса — выходцы из Ошской и Джалал-Абадской областей. Из них 20 женщин. Их трудоустроили по разным специальностям (врач, учитель, рабочий) в малые города региона. Значительная часть беженцев использовала Свердловскую область в качестве транзитного региона: переждав здесь какое-то время у знакомых или родственников, они переселились в другие субъекты Российской Федерации, где имелись какие-то перспективы для трудоустройства и закрепления на новом месте жительства. В 2011 году численность сообщества стабилизировалась и по экспертным оценкам не превышает 6000 чел.

Характеризуя переселившихся в Свердловскую область беженцев, можно выделить две группы людей: приехавшие первыми в июле–сентябре 2010 г. были в основном мужчины трудоспособного возраста от 17 до 40 лет, опасаящиеся за свою жизнь либо потерявшие все имущество. Возвращаться в Ош они не хотят, не видят там будущего. «Там нет перспектив, к узбекам относятся очень плохо и несправедливо, буду работать

в России, голова есть, руки на месте, значит, не пропаду», — говорил 27-летний узбек из Оша, имевший там мелкий бизнес. Почти все — верующие люди и практикующие мусульмане, посещающие по пятницам мечеть и читающие намаз. В то же время они — люди очень практичные и предприимчивые, по своей природе оптимисты. Практически каждый стремился организовать свое небольшое дело (занимались частным извозом, торговали на рынке и т. д.), так как в Оше многие узбеки занимались бизнесом и имели к этому природные задатки. Вторую волну переселенцев составляли женщины, старики и дети, которых стремились вывезти приехавшими первыми мужчины. Женщины — в основном домохозяйки, не имеющие практических навыков работы по полученным в молодости профессиям (медицинская сестра, учительница, ткачиха и т. д.) либо давно не практиковавшие. Свои перспективы они тоже связывают с Россией. «Я сначала сделала временную регистрацию на три месяца, потом вид на жительство», — говорит 45-летняя домохозяйка. Общей особенностью новых членов узбекской диаспоры в Свердловской области является следующее обстоятельство: они не рассчитывали, что им придется становиться мигрантами. В Оше и Джалал-Абаде у них была налаженная и обеспеченная жизнь, стабильные источники доходов, устойчивое общественное положение. Потеряв все в ходе грабежей и беспорядков, опасаясь за свою жизнь, они вынуждены были уехать в российские регионы, где работали их родственники или знакомые. На общем фоне трудовых мигрантов из Центральной Азии, работающих в Свердловской области, данная группа переселенцев резко выделяется своей образованностью, интеллигентностью, манерой поведения, хорошим знанием русского языка (у значительной части). Многим из них оказалось очень сложно приспособиться к российским реалиям, в частности, наибольшим шоком стало столкновение с мигрантофобией коренного населения. Отношение к религии в узбекском сообществе неоднозначное. Значительное количество членов диаспоры, поселившихся в Свердлов-

ской области до июньских событий 2010 г., являются светскими людьми, не соблюдающими предписаний ислама, но в то же время с уважением относящимися к своим имамам и в обязательном порядке совершающими обряды жизненного цикла (имянаречение, никах, джаназа намаз). Та же часть диаспоры, которая переселилась в Свердловскую область после июньских событий, сохранила большую связь с исламом. Большинство беженцев являются практикующими мусульманами, хотя светский элемент там тоже присутствует, в основном среди бизнесменов и вузовской интеллигенции.

Если в целом охарактеризовать миграцию из Кыргызстана, то она является наиболее организованной. Практически все организации трудовых мигрантов из этой страны работают с ее посольством и консульствами, многие получают поддержку. К примеру, Генеральное консульство Кыргызстана в Екатеринбурге имеет тесные связи со всеми кыргызскими землячествами на территории консульского округа (Урал и Сибирь). С одной стороны, это связано и с внешнеполитическим курсом Кыргызстана, который несмотря на все революции и потрясения, никогда не отказывался от интеграции с Россией. Вообще кыргызскому обществу, изначально клановому, присущи механизмы самоорганизации и без государственного вмешательства, а при поддержке страны исхода, пусть даже и ограниченной ресурсами самого государства, это становится мощным инструментом. Нередко поддержка выражается в организации собственной инфраструктуры, например, поликлиник, но еще чаще — в реализации межгосударственных российско-кыргызских договоренностей и соглашений. Между прочим, Кыргызстан — единственная из стран Центральной Азии, реализующая принципы организованного набора рабочих Россию, например, в сфере ЖКХ. В силу своей большей организованности кыргызы нередко занимают лучшие места на рынке труда, нежели узбеки и таджики, хотя таджики больше укоренены в России, а среди узбеков больше финансово состоятельных людей. Духовное управление мусульман Кыргызстана актив-

но работает с кыргызами в России, причем вся его деятельность согласуется с местными российскими мусульманскими организациями. Религиозность кыргызов в последнее время значительно выросла. Представители ДУМ Кыргызстана, в том числе муфтии Республики, проводили встречи с верующими в Москве, Екатеринбурге и Чите. Интересно, что представители ДУМ Кыргызстана неоднократно отмечали, что в России растет религиозность приезжающих на заработки кыргызстанцев.

Узбекская массовая трудовая миграция началась позже чем таджикская и кыргызская, однако по своим масштабам она быстро обогнала обе вышеупомянутые, вместе взятые. Причина проста — население Узбекистана более чем в 2 раза превосходит население Кыргызстана и Таджикистана, вместе взятое. Для узбекской миграции характерна высокая степень самоорганизации, однако до недавнего времени эта самоорганизация носила исключительно неформальный характер. В основе она имеет тот же принцип, что и у китайцев — систему старших, контролирующих этническую общину по региональному принципу. Причем региональный принцип распространяется не только на узбеков из Узбекистана, но также и на этнических узбеков из других стран Центральной Азии. По сути тот же принцип махалли, только погруженной в иную этническую среду. Ввиду такой высокой степени самоорганизации понятен и механизм воздействия на узбекскую этническую общину правительственных структур Узбекистана, в т. ч. спецслужб. По-видимому, по этой причине до самого последнего времени отсутствовали официальные мощные узбекские организации. Узбеки проявляют наибольший разброс в плане материального благополучия в России: самый богатый человек России — узбек, и самые бедные, наверное, тоже узбеки.

В плане религиозности узбеки также сильно различаются. Есть очень религиозные, но наряду с этим имеются и крайне светские. Вообще миграция и проживание в инокультурном окружении является мощным испытанием для веры человека — одни укрепляются в религии, другие остав-

ляют ее. Но почти никто не остается на прежнем уровне. Исследование религиозности мигрантов, не только узбеков, но также и других, — крайне интересный вопрос, но также и крайне сложный, потому что простым стандартным анкетированием ничего не выяснить. Глубинное интервью дает больше результата, но его результаты также неочевидны. По личным наблюдениям авторов, многие узбеки в России переходят на более глубокое понимание религии, отходят от поверхностных взглядов, однако есть и такие, кто полностью отказывается от веры. Нередок третий, совмещенный вариант — сначала происходит секуляризация, отказ от традиционных устоев, который после сменяется уходом в другую крайность, в том числе радикальные формы. Такой вариант наиболее подвержен различным рискам. Риски возрастают по причинам нехватки официальной религиозной инфраструктуры, отсутствию возможностей для канализации религиозного порыва — «созидательного джихада», по определению политолога Р. Курбанова. Среди узбеков в России наибольшее количество сторонников «Хизб-ут-Тахрир», есть саляфиты, однако наибольшее количество религиозно активных узбеков придерживаются ханафитского мазхаба. Этот момент можно было бы использовать для спешной интеграции узбеков (а также кыргызов и таджиков) в мусульманский сегмент российского социума, но, к сожалению, пока эта работа ведется только на уровне религиозных организаций и не поддерживается государственными структурами, хотя именно государство является благополучателем этого процесса.

Но кроме юго-восточного направления, в российской трудовой миграции всегда присутствовал и западный вектор. В последние годы количество мигрантов с западного направления (Украина, Молдова, Беларусь) неуклонно сокращалось (в противоположность юго-восточному), это происходило ввиду как сокращения количества населения в данных странах исхода, так и в силу переориентации миграционных потоков (Украина, Молдова) на Европу. Однако в 2014 г. вследствие начавшейся на Украине гражданской войны

началась и массовая миграция из этой страны в Россию. Последствия этого пока трудно предсказать. В августе количество пересекших границу с Россией граждан Украины превышало 700 тысяч человек. По данным на конец сентября 2014 г., официальное количество украинских беженцев на территории Российской Федерации — 389 629 человек, из них 99 850 — дети. Всего вынужденных переселенцев принимают 72 субъекта страны, на их размещение и помощь из бюджета были выделены значительные средства. По мнению многих экспертов, если большая часть этих людей останется в России, то для нашей страны это будет благом, поскольку в профессиональном, языковом и культурном отношении граждане Украины фактически идентичны россиянам и при соответствующей государственной и общественной поддержке у них не уйдет много времени на интеграцию в российское общество.

А именно это сейчас является главной задачей государства в области миграционной политики. В своей предвыборной статье «Россия: национальный вопрос» Владимир Путин писал в 2012 г.: Нельзя допустить, чтобы у нас возникли замкнутые, обособленные национальные анклавные территории, в которых часто действуют не законы, а разного рода «понятия». И в первую очередь нарушаются права самих мигрантов — как со стороны собственных криминальных авторитетов, так и коррупционеров от власти. Именно на коррупции расцветает этническая преступность. С правовой точки зрения преступные группировки, построенные по национальному, клановому принципу, ничем не лучше обычных банд. Но в наших условиях этническая преступность является проблемой не только криминальной, но и проблемой государственной безопасности. И к ней надо соответствующим образом относиться, — далее Президент РФ останавливается на проблеме интеграции мигрантов. — ... это проблема цивилизованной интеграции и социализации мигрантов. И здесь вновь необходимо вернуться к проблемам образования. Речь должна идти не столько о целенаправленной образовательной системе на решение вопросов миграционной полити-

ки (это далеко не главная задача школы), но прежде всего о высоких стандартах отечественного образования как такового. Привлекательность образования и его ценность — мощный рычаг, мотиватор интеграционного поведения для мигрантов в плане интеграции в общество. Тогда как низкое качество образования всегда провоцирует еще большую изоляцию и закрытость миграционных сообществ, только теперь уже долгосрочную, на уровне поколений. Нам важно, чтобы мигранты могли нормально адаптироваться в обществе. Да, собственно, элементарным требованием к людям, желающим жить и работать в России, является их готовность освоить нашу культуру и язык. Со следующего года необходимо сделать обязательным для приобретения или продления миграционного статуса экзамен по русскому языку, по истории России и русской литературе, по основам нашего государства и права. Наше государство, как и другие цивилизованные страны, готово сформировать и предоставить мигрантам соответствующие образовательные программы. В ряде случаев требуется обязательное дополнительное профессиональное обучение за счет работодателей».

Как отмечает в одной из своих статей Ирина Ивахнюк, доктор экономических наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, член правительственной комиссии по миграционной политике, «Интеграция мигрантов стала в последние годы центральной темой и в миграционных исследованиях, и в миграционной политике. На смену игнорированию политики интеграции пришел период активных законодательных инициатив, связанных с обязанностью мигрантов сдавать экзамен на знание русского языка, российской истории и законодательства, а теперь — еще и с подписанием мигрантами «адаптационных и интеграционных контрактов».

С 1 января 2015 года вступает в силу федеральный закон от 20 апреля 2014 года № 74-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»». Этот закон вводит дополнительные требования к пакету документов на оформ-

ление разрешений на временное проживание, видов на жительство, разрешений на работу и патентов. Так, иностранные граждане и лица без гражданства, желающие оформить один из данных документов, должны подтвердить владение русским языком, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации, предъявив один из документов:

1. Сертификат о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства Российской Федерации. Для его получения необходимо сдать экзамен в Центрах тестирования. Срок действия сертификата составляет пять лет со дня его выдачи.

2. Документ государственного образца об образовании, выданным образовательным учреждением на территории государства, входившего в состав СССР, до 1 сентября 1991 года (аттестат).

3. Документ об образовании и (или) о квалификации, выданным лицам, успешно прошедшим государственную итоговую аттестацию на территории Российской Федерации с 1 сентября 1991 года (аттестат или диплом).

Этот федеральный закон является следствием одного из майских указов нашего Президента В.В. Путина (Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 602 «Об обеспечении межнационального согласия») и должен содействовать интеграции мигрантов в российское общество и гармонизации межнациональных отношений. В соответствии с принятой в 2012 г. Концепцией миграционной политики РФ происходящие в настоящее время изменения в миграционном законодательстве направлены на то, чтобы, во-первых, упорядочить миграционные потоки, во-вторых, повысить качественный уровень прибывающей в Российскую Федерацию иностранной рабочей силы и, в-третьих, содействовать социокультурной адаптации и интеграции мигрантов в российское общество. Именно в этом контексте следует рассматривать инициативы федеральных органов власти по тестированию мигрантов по русскому языку, истории и праву России.

По прогнозам ФМС, всего в России 3,5 млн мигрантов должны будут сдать тесты в 2015 г. Причем, в их числе представители

стран дальнего зарубежья — Китая, Кореи и Вьетнама, которые, как правило, русским языком не владеют вовсе. И это порождает серьезную проблему — для сдачи комплексного экзамена необходимо готовить мигрантов на специальных подготовительных курсах. Несмотря на то, что 80–85% мигрантов сдают тест по русскому языку, но, во-первых, сдают его на очень слабую «тройку», а, во-вторых, знаний русского языка у большинства мигрантов, приезжающих работать в нашу страну, особенно у среднеазиатской молодежи, явно недостаточно для того, чтобы освоить историю нашей страны. Их необходимо обучать. Вначале русскому языку, затем праву, и только затем истории. Причем делать это нужно особым образом — на понятном для мигрантов «детском» языке или при помощи языковых посредников — медиаторов (носителей языка обучающихся).

Тысячи людей, которым необходимо пройти обучение, ставят вопрос о создании нового масштабного направления на рынке образовательных услуг, опыт работы на котором есть далеко не у всех. Для того, чтобы мигранты могли подготовиться к экзамену, а следовательно ближе познакомиться с языком, культурой и законами России, необходимо открывать как можно больше образовательных площадок не только на базе университетов, но и на базе общественных

и религиозных организаций, формировать образовательную инфраструктуру. Но естественно, что мигранты — это люди, которые приезжают в Россию зарабатывать деньги, а не учиться, следовательно — на учебу они не замотивированы, следовательно, будут стараться этот сертификат купить. И это порождает серьезные коррупционные риски. В перспективе необходимо сделать систему сдачи экзаменов такой же жесткой как прием ЕГЭ, а также сделать обязательным не только сам экзамен, но и интеграционные курсы, как во многих зарубежных странах. Но это перспективы, самое главное, что первый серьезный шаг на пути к интеграции уже сделан.

Стремительное изменение миграционного законодательства, десятки принятых за последние пару лет нормативных актов, существенно ужесточающих правила пребывания приезжих и оформления документов, должны снизить коррупционные риски и упорядочить миграционные потоки. Ведь сейчас Россия — вторая страна в мире после США по количеству принимаемых мигрантов, это миллионы людей, для которых Россия фактически становится вторым домом, а в доме, чтобы все было мирно, должны быть четкие правила и понятные законы. И хочется верить, что Россия движется в этом направлении.